

Что мы делаем с языком, или Прорыв в отечественной философии языка

В работе представлена рецензия на философско-языковедческий триптих А.С. Нилогова, включающий в себя монографии «Философия антиязыка» (2013), «Антиязык (по ту сторону философии языка)» (2017) и «Антислова и вещи» (2020), посвященные содержанию новой дескриптивной дисциплины — философии антиязыка.

Ключевые слова: философия языка, антиязык, постмодернизм, эпистемология, футурология.

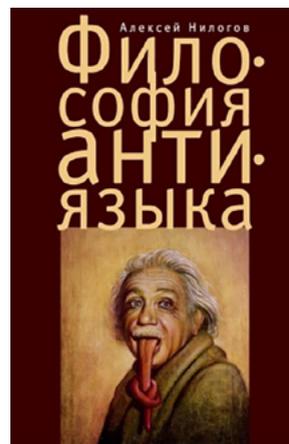
Review of the philosophical and linguistic triptych by A. Nilogov, which includes the monographs “Philosophy of Anti-language” (2013), “Anti-language (beyond the philosophy of language)” (2017) and “Anti-Words and Things” (2020), devoted to the content of a new descriptive discipline — the philosophy of anti-language.

Keywords: philosophy of language, anti-language, postmodernism, epistemology, futurology.

Если верить некоторым оптимистично настроенным лингвистам, то о языке мы знаем всё. Однако в процессе работы с любым языковым материалом неизменными остаются вопросы: как проводить исследования и что принимать за основу в условиях, когда принципы взаимодействия материального и духовного, языка и мышления до сих пор не имеют удовлетворительного научного обоснования? Остается одно — вернуться к философии языка как к ключу понимания человека в его речевой ипостаси, одной из форм проявления и воплощения *человеческого, слишком человеческого*, по Ф. Ницше. Возможный прорыв — согласиться с пониманием философии языка как фрагмента футурологии гуманитарных наук, как предлагает А. Нилогов. Согласиться с тезисом Б.М. Гаспарова: нам нужна не модель языка, а образ языка. Согласиться с тем, что никакой стройной и ясной концепции о феномене языка мы пока не имеем. Пусть даже не одной, а двух, противоположных и враждующих. Все говорится не только в пику противникам, но и невпопад, а оппоненты противоречат не только друг другу, но и самим себе.

Когда нет ясного представления об истоках, о том, что лежит в основе существования языковой системы в целом, любые разработки в этой области будут оставаться за пределами общих законов философии. Мы упорно продолжаем ограничиваться внешними наблюдениями. Они загоняют нас в тупик рационализированного мировоззрения. Однако суть мироздания ни в одном из тупиков найти нельзя. Вполне вероятно, что нам никогда не удастся понять, что послужило причиной зарождения материи и сознания человека, но пытаться ответить на эти вопросы стоит. В бесплодных попытках разобраться в глубинных проблемах бытия когда-нибудь забрезжит свет истины. И начинать поиски надо с самого начала — с философии и поисков аналогий между языком и окружающим нас миром.

Этому посвятил серию своих книг А. Нилогов. Он вывел отечественную философию языка на совершенно новый креативный уровень. После того обрыва, который последовал после ухода первых и последних: П. Житецкого и Г. Шпета, П. Флоренского и А. Лосева. Конечно же, отдельные «начинания» были и в советской, и в постсоветской науке о языке. Сошлемся для примера на «Проективный философский словарь» (под. ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. СПб.: Алетея, 2003) или работу Н.С. Автономовой «Познание и перевод.

Нилогов А.С. Философия антиязыка. СПб.: Алетея, 2013. 216 с.

Nilogov A.S. Filosofia antiazyka. St. Petersburg: Aleteia, 2013. 216 s.

ISBN 978-5-91419-8609-9

Опыт философии языка» (М.: РОССПЭН, 2008). Но «начинание» — это одно, а системность и цельность лингвофилософского фрагмента картины мира — совсем другое.

Во-первых, А. Нилогову удалось изменить объект исследования с языка на антиязык. Во-вторых, он предложил иную методологию гуманитарного знания. Не случайно его последняя книга триптиха имеет подзаголовок: *футурология гуманитарных наук*. В-третьих, от подражания западноевропейским и американским образцам, которыми отечественная наука о языке так увлеклась с конца 1950-х (вспомним о В. Звегинцеве), от их копирования, умеренной переделки или механического приспособления мы вернулись к лучшим традициям отечественной философии языка.

Книги А. Нилогова — это подлинный комплексный подход к языку. Не междисциплинарный или полидисциплинарный. Все это в прошлом. Перед нами именно комплекс, включающий в себя психоанализ, аналитическую философию, теоретическую поэтику, семиотику, мотивный анализ. Все, что разрабатывалось автором на протяжении без малого десяти лет.

Кратко о трех фрагментах лингвофилософского триптиха. Книга первая — «Философия антиязыка» (СПб.: Алетейя, 2013). Содержание книги структурировано как последовательное развертывание идеи автора от преодоления философии языка Мартина Хайдеггера и кризиса европейской рациональности, преодоления Ницше и Хальбермаса к овнешнению антиязыка и к поискам ответа на вопрос: как язык владеет нами? Книга посвящена Ф.И. Гиренку — тому самому, кто осмелился высказаться о том, что человек — не разумное, а галлюцинирующее существо, что мы произошли не от умной обезьяны, взявшей в руки палку-копалку, а от обезьяны, страдающей от аутизма. А. Нилогов полагает экзистенцию антиязыка, антислова, обладающего значением, но не звучанием. Антиязыковая методология, в отличие от феноменологической методологии, занимается такой реконструкцией картины мира, в которой проблематизируется то, что не может быть выражено естественным языком. Это нужно при попытках дескрипции феноменов сознания. Вот как об этом пишет сам автор.

Сфера невыразимого в языке наряду с областью непоименованного настолько бесчисленна, что приближается к бесконечности, но на подступах к ней описывается в терминах антиязыка. Если после языкового выражения некоторой мысли отсутствует осадок неудовлетворенности от факта выражения, то для его предупреждения понадобилось бы формулировать мысль таким образом, чтобы потенция выражения никак не соотносилась с актом выражения, а последний, в свою очередь, с фактом выражения. Антиязыковая подноготная языковой коммуникации заключается в том, что условием ее подлинности является такое отношение между планом содержания и планом выражения, при котором степень различия и тождества сведены к аутентичному веществованию той или иной вещи (из книги «Философия антиязыка». С. 214)¹.

¹ Здесь и далее указаны страницы рецензируемого издания.

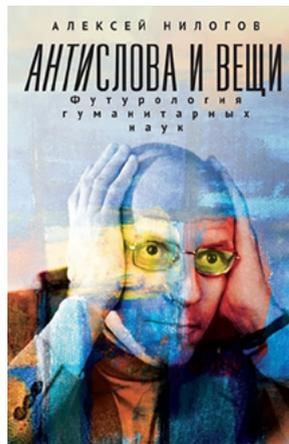
Алексей Нилогов
Антиязык
(по ту сторону философии языка)

Нилогов А. Антиязык (по ту сторону философии языка). LAP Lambert Academic Publishing, 2017. 392 с.

Nilogov A. Antiazzyk (po tu storonu filosofii iazyka). LAP Lambert Academic Publishing, 2017. 392 s.

ISBN 978-3-659-97894-4

Нилогов А.С. Антислова и вещи. Футурология гуманитарных наук. СПб.: Алетейя, 2020. 478 с.

Nilogov A.S. Antislova i veshchi. Futurologiia gumanitarnykh nauk. St. Petersburg: Aleteia, 2020. 478 s.

ISBN 978-5-00165-062-1

Книга вторая — «Антиязык (по ту сторону философии языка)» (издательство LAP Lambert Academic Publishing Ru, 2017). Основные разделы книги: «Генеалогия. От антиязыковой методологии к антиязыковой генеалогии»; «Лингвистика. Онтологический статус слова и антислова, методология дешифровки»; «Математика. Антиязыковая номинация больших чисел»; «Психология. Природа сновидений и феномен телепатии»; «Философия. Антиязык в интерпретации Ф. Гиренка, Г. Вирга, А. Дугина».

Книга третья — «Антислова и вещи» (СПб.: Алетейя, 2020). Содержание книги — своеобразный, во многом анархический, как пишет сам автор, лексикографический опыт систематизации и истолкования серии антислов. Материал группируется по трем разделам: «Антислова», «Вещи-не-в-себе» и «Русский антиязык». В качестве иллюстрации приведем фрагмент «Апофатическая семантика».

Лосев о языке бытия. А.Ф. Лосев в своей работе «Имяславие» отмечал, что в этом учении имеется научно-аналитический уровень, «который выражается прежде всего в определенном ряду математических конструкций». Неожиданно идея имяславия о том, что имя должно пониматься не как присвоенное объекту обозначение, а как нечто онтологически данное, оказалась полезна при определении статуса так называемого нестандартного анализа (по Полуяну). Весь философский потенциал может стать аффективным средством порабощения человека и сведения свободы воли к солипсистской виртуальной реальности, в которой каждый индивид будет погружен в глубокий самообман, подобно автогипнозу, стирающему границы по ту и эту стороны онтологического статуса существования в соответствии с девизом: «Я буду защищать всех от своей экзистенции и сделаю все возможное, чтобы защитить каждого от экзистенции другого». Античеловеческий пафос философии не сводится к критике антропоцентризма в поле притяжения бинарной оппозиции, а тщеславен по отношению к автореферентности самой философии, чьим референтом всегда является прогресс в осознании свободы; если философия бессильна против утопии счастливого будущего человечества, по крайней мере, в своей интеллигибельности, то ее уделом должна стать антиутопия, построенная на зле и отчуждении, истины которых атеистически не сокрыты; пропаганда смерти во всех ее проявлениях — от мортализма до сатанизма — необходима для усиления экзистенциального запанибратства между людьми: homo mortem не нуждается в суицидальном оправдании, отчуждаясь в смерти аутентичней, чем в самоубийстве, фактичность которого не означает спасения от сострадания живущих. Подлинная бессмысленность человеческой жизни заключается в том, чтобы не осознавать онтологической бессмысленности, основанной на произволе семиотического знака: чем осознанней бессмысленность существования, тем бессмысленней несуществование, похищающее смысл даже у смерти. Если философия становится пристанищем риторических вопросов, ответы на которые тавтологичны, то как ей избежать риторических ответов, вопрошание о которых сверхавтологично? Только расширяя возможности языка, по номинации ранее не поддававшегося номинации, можно расширить горизонт самого неязыкового в соответствии с аналогией кругов Анаксимена; мистика дословности, как ее понимает Гиренок, есть не что иное, как свойство антисловности, входящее в фундамент антиязыковости, одним из аспектов которой является проект грамматологии (Деррида). Являются ли особенности голосового и артикуляционного порядка показателем «изначального опоздания» для индивидуального языка, который вопреки Витгенштейну и его последователям возможен не столько у аутиста, сколько у солипсиста? Слуховое восприятие читаемого про себя — разговор аутиста наедине с самим собой. Проблематизация этимона как момента спайки означаемого и означающего при пуске нового слова, а также при выявлении природы идеи в ноэме (в трактовке Лосева) — такой «момент в слове, который бы исключал не только индивидуальную, но и всякую другую инаковость понимания и который бы говорил о полной адекватности понимания и понимаемого» для «изначального опоздания» (книга «Антислова и вещи». С. 47–48).

Отметим, что А. Нилогов не испытывает недостатка внимания к своим лингвофилософским работам со стороны коллег по цеху. Его идеи неоднократно вызвали дискуссии на заседаниях Общества философских исследований и разработок при Институте системных исследований РАН. В них участвовали К. Фрумкин и А. Каменщиков, А. Шухов и Я. Гринберг. Последний, например, в связи с обсуждением уместности термина «антиязык» напомнил о физической субстанции антивещества, аннигилирующего с веществом. По его словам, его заинтересовала проективность антиязыковой модели на отношения воязыкования проявлений чувственно-эмоциональной сферы, в результате чего эти проявления теряют исконную спонтанность, превращаясь в рациональное просчитывание².

Интерес к работам А. Нилогова растет год от года. Отечественные философы уже начинают включать обсуждение его исследований в свои книги. Кто-то со знаком плюс, кто-то со знаком минус, но всегда дискуссионно, как в новой книге А. Кутырева, В. Слюсарева и Т. Хусяинова «Человечество и Технос: философия коэволюции» (СПб.: Алетейя, 2020). С одной стороны, авторы видят смысл в рассуждениях об антиязыке: «Как видим, смысл в рассуждениях об антиязыке есть, но что ему соответствует, каков референт, представить нелегко. Может, в силу самоотрицательности данного феномен никакого значения у него не должно и быть? Нет, референты антиязыка усиленно ищутся, на их роль предлагается молчание, сон, бессмыслица, медитация, пустота, однако что-то похожее на убедительность возникает только, когда дело приближается к обсуждению постструктуралистской тематики» (С. 149). С другой стороны, те же авторы не могут удержаться от собственной интерпретации нилоговских тезисов: «Оторвемся от текста книги, чтобы сказать прямо: в философско-спекулятивной форме речь в ней фактически идет о технической коммуникации, начинающей заменять непосредственное человеческое общение, о становлении на Земле медиареальности (the medium is the message — М. Маклюэн), об онтологии сетей и, сказать обобщая, наступающей на нас иной форме бытия, которая может выражаться и преимущественно будет выражаться не на естественном словесном языке (логосе), как было с появления Homo genus, а, соответственно, другими, более адекватными новым феноменам способами» (С. 151).

В связи с этим читателю всегда интересно понять, как сам А. Нилогов расширяет свою концепцию. Это легко сделать, так как автор ведет свой блог³. Представляя свою последнюю книгу «Антислова и вещи», он многое прояснит своему читателю (у каждого автора есть свой читатель): «Антиязыковой метод позволяет пересмотреть фукианский пафос в пользу самих вещей, особенно тех из них, которые оказываются за бортом нормального именования, в результате чего под вопрос ставится само существование вещей, для которых почему-то не нашлось никаких слов. Бытийный (онтологический) статус вещей, не подлежащих именванию, приобретает антисловный характер».

Внимательно прочитав все три книги, зададимся вопросом: что это нам дает? Есть ли у всего этого перспективы? Как рецензент отвечу так. Во-первых, в лингвофилософии продолжает расти потребность в новых решениях в сфере выражения смыслов. Антиязык представляет собой практику формирования достаточно большого числа классов антислов, наиболее ярким примером которых следует назвать футурологизмы — концепты, не обладающие содержанием и объемом, но означающие потенциально открытые для их использования будущими поколениями смыслы.

Во-вторых, комментируя специфическую, не всегда привычную для читателя терминологию, следует пояснить: автор ориентировался на так называемый срединный уровень понимания, когда читатель выделяет общий контур предъявляемой ему модели. В данной ситуации можно сослаться на стремление к однозначному прочтению текста в консонантной системе письма за счет *matres lectionis* при реальной невозможности достичь желаемого, как в апории Зенона «Ахиллес и черепаха».

² URL: http://www.alexnilogov.narod.ru/filosofiya_antiyazyka/ofir.html.

³ URL: https://zavtra.ru/blogs/antislova_i_veshi.

В-третьих, теорию антиязыка можно понимать в духе идеи слияния коммуникативной среды и внутреннего мира личности, в частности среды процессов мышления, в которой часть последнего осознается как внутренняя докоммуникативная действительность сознания носителя языка.

Интерес представляет, как сказано в процитированных словах Я. Гринберга, потенциальная проективность антиязыковой модели на отношения воязыкования проявлений чувственно-эмоциональной сферы, в результате чего эти проявления теряют исконную спонтанность, превращаясь в рациональное про-считывание.

Значимо в концепции антиязыка А. Нилогова то, что в ней, как и в некоторых идеях современной лингвистики, языковые субстраты теряют смысл прямых онтологизмов, а человек рассматривается как вовлеченный в процесс деятельности по синтезу референциальности, отличающейся, как и всякая форма деятельности, своими чертами реальности. Корпус классов антислов существенно дополняет наши знания о языковой реальности.

Наконец, антиязык — это также средство анализа, обеспечивающее подавление «мертвых» смыслов, а именно ретроградного наследия прошлого. По сути, как показал весь ход развития европейской лингвофилософской мысли XX в., абсолютизация языка оказалась бессмысленна, поскольку, вопреки М. Хайдеггеру, язык не является домом бытия, а представляет собой герменевтическое средство маскировки сущего.

Исследование А. Нилогова, воплотившееся в рецензируемом триптихе, это не просто отдельно взятое направление философских исследований, это особый — новый, креативный — стиль философского мышления. Аллюзируя и чуть-чуть перефразируя Евгения Водолазкина, как сказал бы вслед за постструктуралистами Бродский: *все мы инструменты языка. Прорехи в опыте и сознании все латают за счет речевого материала — каждый по-своему.*

Базылев Владимир Николаевич,
доктор филологических наук, профессор
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Bazylev Vladimir N.,
Doctor of Philology, Professor
National Research University "Higher School of Economics"

e-mail: v-bazylev@inbox.ru
ORCID 0000-0001-8952-9485

